Сергей Аникин

Касаясь пустоты

18+

Сергей Владимирович Аникин
Касаясь пустоты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74687586
Касаясь пустоты : триллер / С. Аникин: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908165-39-6

Аннотация

Эта книга не будет гладить читателя по голове. «Касаясь пустоты» – тёмный, нервный, беспощадный триллер, в котором зло не прячется в подвалах и переулках: оно живёт в обычных квартирах, дорогих ресторанах, чужих головах и сломанных судьбах. Здесь каждый шаг может стать последним, каждая обида – взрывом, а месть – страшнее преступления. Сергей Аникин пишет жёстко, кинематографично и без прикрас. Откройте книгу, если готовы к истории, от которой не получится отмахнуться.

В книге присутствуют сцены насилия, убийства, жестокости и упоминается сексуальное насилие. Не предназначено для лиц младше 18 лет.

Произведение содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	41
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Аникин
Касаясь пустоты

© С. Аникин, текст, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.
Ф. Ницше

Пролог

Снежный буран разметал все сугробы на улице. Шквалистый ветер выл, срывал и поднимал с асфальта и тротуаров мягкие, пушистые хлопья, раскручивая их в смерч из снежинок. Февральская вьюга разыгралась не на шутку. Пятиэтажки и многоэтажки в городе обнесли сигнальной лентой. Бригады альпинистов скидывали снег с крыш, работали автопогрузчики, загружая комья в КамАЗы-самосвалы. Но метель не сдавалась: ветер свистел, кружил всё вихрем и обтряхивал кроны деревьев. Снег валил стеной.

В одном из скверов на лавочке сидел мужчина сорока пяти лет – в чёрных брюках, зимнем пуховике. Его серая шерстяная шапка была натянута до бровей, лицо – гладко выбрито. Это был некто Владимир Владимирович Молотов. Он наблюдал за тем, как бригада убирает снег. Затем достал из внутреннего кармана пачку «Кэмел», вставил сигарету в рот, щёлкнул зажигалкой, прикурил. Убрал зажигалку в карман, затянулся, выпустив густой дым. То и дело морщился от снежинок, которые царапали лицо, точно когти домашнего кота. Докурив, Владимир выбросил бычок в урну, стоявшую рядом с лавочкой, и пошёл в сторону дома, еле волоча ноги: снежные завалы затрудняли дорогу. Опустив голову, с угрюмым выражением лица он смотрел серыми глазами на разлетающиеся перед ним хлопья. После тяжёлого трудового дня

головные боли накатывали волнами, они были такими сильными, что создавалось ощущение, будто мозг пилят циркулярной пилой.

Он перешёл дорогу, подошёл к подъезду, приложил ключ-таблетку и зашёл внутрь. Пахло сыростью, лёгкий поток морозного воздуха гудел через приоткрытые окна на первом этаже и наполнял холл ледяной свежестью. Мужчина вздрогнул и поёжился от озноба, который пробежал от макушки до пят. Он подошёл к лифту, но передумал и решил подняться по лестнице на четвёртый этаж. Преодолев пролёты, он зашёл в квартиру шестьдесят шесть.

Разделся, повесил пуховик на вешалку в коридоре, снял ботинки и прошёл в зал.

– Опять пьяный, – резко послышался голос жены с кухни.

В ответ – тишина. Он сел в мягкое кресло, решив проигнорировать её.

Она зашла в зал. Женщина сорока лет, в тёмно-красном халате, с рыжими волосами, завязанными в хвост. Солидного телосложения, с ярко-красными губами. Наталия Ивановна Молотова.

– Что ты молчишь? Я с тобой разговариваю, – продолжила она, повышая тон.

– Ой, не капай на мозги. Голова гудит, как паровоз, – буркнул он в ответ.

– Да мне плевать, что там у тебя гудит! – вспылила она. – Ты сказал, что завязываешь с алкоголем.

Затем она задумалась, села в кресло напротив него и добавила:

– Ты пьёшь не просыхая уже полгода. Тебя вышвырнут с работы. У тебя растёт сын.

– Да это не твоё собачье дело, сколько я пью! – вспылил он. – И не базарь так со мной, дура!

– Ты кого дурой назвал, алкаш подзаборный? Если не бросишь пить – я подам на развод.

Она резко вскочила и отвесила ему пощёчину. Завизжала, срываясь на истерический крик.

Он опешил, вытаращил глаза и вскочил с кресла. Затем схватил её за волосы.

– Да мне плевать, разводись, – заявил он, взглянув ей в глаза. – У меня Маринка есть.

Наталия начала вырываться, схватив его правой рукой за запястье, чтобы отвести его руку от себя.

– Отпусти, мне больно! – завыла она, и из её глаз брызнули слёзы.

– Пойдём в ванной поговорим, – заявил он и, не отпуская, потащил её за волосы.

Женщина упала на колени, потом на живот и начала халатом мести дубовые, выкрашенные в оранжевый цвет половицы. Когда он дотащил её, то увидел, что в ванне набирается горячая вода.

– Отпусти, ты делаешь мне больно! – выла жена.

– Терпи, раз любишь пьяницу, – сквозь сжатые зубы про-

цедил Владимир. – Сейчас я тебя освежу.

Ванная комната была просторной: внутри огромная ванна, рядом раковина, напротив – стиральная машинка. Он отпустил жену. Она встала и хотела снова влепить ему пощёчину, но он поймал её за запястья, развернул и наклонил. Ноги у неё подкосились, и она плюхнулась в ванну. Горячая жидкость выплеснулась и потекла по кафельному полу. Муж окунул голову Наталии в воду. Она открыла рот, выпуская пузырьки.

– Ты вообще с катушек съехала: хамишь и руки распускаешь.

Она вытянула руки вверх и начала царапать ему щёки. Он ослабил хватку, женщина вытащила голову из воды, открыв рот, как пловец после долгой дистанции, и начала жадно глотать воздух, кашляя всей диафрагмой.

– Ты хочешь меня угробить! – закричала она.

Затем протянула руку, схватила со стиральной машинки стеклянный флакон с туалетной водой и стукнула его по голове. Удар был сильным, но флакон не разбился, а упал на пол и разлетелся на мелкие осколки, словно мелочь из разбитой копилки. Жидкость с содержанием спирта разлилась по кафелю.

– Закрой фонтан, сука! – взревел Владимир.

Схватил её за волосы, ударил затылком об ванну и снова погрузил её голову под воду. Она тянула к нему руки, пытаясь добраться до его глаз, чтобы выцарапать их ногтями, а

ногами болтала, сгибая и выгибая их. Наталия что-то говорила, но вода заглушала её измученную, непонятную речь. Он накинул обе руки ей на горло и начал душить. Глаза её вылезли из орбит, пузыри так и плыли изо рта. Сердце барабанило о грудную клетку, как язычок медного колокола во время звона. Лицо исказилось гримасой страха, она понимала, что сейчас умрёт. И тут неожиданно её тело замерло. Она опустила уставшие руки, как плети, в ванну, и ноги остановились. Лицо с широко открытыми тёмно-зелёными глазами застыло маской смерти. Он отпустил хватку.

Из комнаты, опустив наушники на компьютерный стол, вышел Кирилл Владимирович Молотов. Десятилетний мальчуган с волосами цвета воронова крыла, зачёсанными на левый бок, в синих бриджах и белой, как молоко, футболке пошёл в туалет. В зале дикий взгляд отца встретился с испуганным взглядом сына.

– А где мама? – спросил Кирилл.

– Сынок, мамы больше нет, – заявил отец.

Мальчик сделал шаг назад, отец пошёл на него.

– Что случилось с мамой? – спросил он, продолжая пятиться.

Отец смотрел на него диким взглядом, как хищник на загнанного в ловушку испуганного зверька.

– Она ушла в мир иной, – грубо произнёс он.

Кирилл, не раздумывая, развернулся и побежал в свою комнату. Сразу же закрыл дверь на шпингалет. Отец подско-

чил к двери и ударил в неё кулаком.

– Сынок, открой папе дверь, нам нужно поговорить.

– Нет, – испуганно произнёс мальчик.

Отец ударил в дверь ещё сильнее.

– Не испытывай моё терпение. Открой, и мы всё обсудим.

Кирилл начал тяжело дышать – будто на его грудь давил невидимый вес. Затем дрожащими от страха руками схватил сотовый и набрал сто двенадцать.

– Слушаю вас, – мгновенно ответил на том конце провода милый женский голос оператора.

– Помогите, спасите! – заплакал в трубку Кирилл.

– Успокойтесь и сообщите, какая помощь вам нужна.

– У меня дома отец сошёл с ума, он убил мать и хочет убить меня.

– Назовите ваш адрес.

– Город Москва, улица Кандинского, дом восемь, квартира шестьдесят шесть.

– Всё, высылаю помощь.

Владимир пошёл в коридор и открыл дверь кладовой. Там на полках стояли закатанные банки, а внизу – ящик с инструментами: несколько наборов отвёрток, перфоратор, молоток и топор.

– То, что нужно, – сказал он.

Схватил топор и с размаху ударил по двери. Лезвие прорубило её насквозь.

– Не хочешь поговорить с папой по-хорошему – значит,

я решу вопрос иначе, – скривив губы в страшной, готовой разрезать стекло улыбке, заявил он.

Потом дёрнул, вытащил застрявший топор и, размахнувшись, ударил снова. На этот раз пробил дверь, и кусок разрубленного дерева упал на линолеумный пол. Владимир взмахнул топором в третий раз – перегородка обвалилась.

Сын бросил телефон на пол и вскочил с кровати. Обезумевший отец просунул свою костлявую руку, открыл шпингалет и плечом ударил в дверь. Несмазанные петли заскрипели, словно ненастроенные струны скрипки. Затем, без всяких эмоций, Владимир взмахнул топором и отсёк Кириллу голову.

Отрубленная голова отлетела, как баскетбольный мяч от стены. Из шеи трупа мгновенно ударил вверх кровавый гейзер. Стены и потолок начали окрашиваться в багровый цвет. Несколько струек попали Владимиру на лицо. На его губах играла неестественная улыбка, растянутая как у клоуна. Затем он засмеялся и начал бить топором по компьютеру, потом с размаху, точно колуном по пенькам, ударил по компьютерному столу. Обезглавленный труп ребёнка упал на залитый кровью пол, образовав липкую лужу. Убийца продолжал смеяться – очень громко, больным, истерическим смехом, – орудуя топором и разбивая в клочья кровать. Но вдруг неожиданно бросил инструмент.

– Больше никто не посмеет мне хамить и грубить! – закричал он.

После он отправился в ванную и под тугими ледяными струями воды смыл с лица кровь. Посмотрел в овальное зеркало над раковиной и начал тяжело дышать.

В коридоре послышались резкие хлопки. Он вышел и понял, что это не хлопки, а выстрелы. В квартиру вбежали двое полицейских в синей форме и наставили на него пистолеты.

– На колени! Без фокусов! – произнёс первый.

Владимир стоял как вкопанный.

– Я сказал – на колени и руки за голову! – повторил страж порядка.

Владимир встал на колени. Злобная, истеричная улыбка всё ещё играла на его губах. Второй полицейский обошёл его сзади, вывернул руки и накинул наручники. Владимир слышал, как лязгнули браслеты на запястьях, но улыбка так и не исчезала с его лица. Затем первый полицейский подошёл, и напарники наклонили арестованного вперёд и в позе ласточки вывели из квартиры.

Глава 1

В ресторане «Белуга» в центре Москвы за дубовым столиком сидел мужчина лет пятидесяти. Он был в чёрных бархатных брюках, белоснежной рубашке с золотыми запонками, а поверх был надет незастёгнутый чёрный смокинг из дорогой кожи. Худощавый, с чёрными как смоль волосами, он фалангами пальцев правой руки постукивал по столу. На среднем пальце красовался золотой перстень с эмблемой стоящего на дыбах бурого медведя. Никита Михайлович Панченко смотрел в окно и любовался Кремлём.

Напротив него сидела сорокалетняя женщина в чёрном платье, с бриллиантовым ожерельем на шее, золотыми серьгами и длинными огненно-рыжими, как жерло вулкана, волосами. Мария Петровна Евсеева смотрела своими ярко-зелёными глазами на Никиту и ела из стеклянной вазочки мороженое чайной ложкой.

– Ну рассказывай, с чем пожаловала? – переведя взгляд на неё, осведомился он.

Она воткнула ложечку в мороженое и замялась, не произнося ни слова.

– Ну, моя дочурка опять наломала дров, – наконец сообщила она.

В этот момент подошла официантка в форме, поставила на стол заказ Никиты и удалилась. Он взял нож и вилку и

принялся нарезать жареного лосося.

– Гуляли на дне рождения, к ней начали приставать, хотели воспользоваться, а она парнишку пырнула в живот два раза, – продолжила Мария.

– Парень жив? – поинтересовался он, налив себе из хрустального графинчика водки в рюмку, выпив и закусив насаженным на вилку кусочком лосося.

– Да, он в реанимации, в тяжёлом состоянии, – сообщила она, взяв в руки фужер с красным вином и сделав глоток.

– И ты хочешь, чтобы я отмазал дочурку, чтобы у неё не было запятнанной репутации? – спросил он, выпив ещё водки. – Я тебя правильно понял?

– Ну ты же адвокат с большой буквы! – подчеркнула женщина. – И не хочется, чтобы у неё была статья или чтобы ей дали условный срок.

– Я тебя услышал, – замялся Никита. – Подумаю, что можно сделать.

– Ты знаешь, у меня в Москве две зубные клиники, можем сделать тебе голливудскую улыбку, – улыбнулась она, демонстрируя белые зубы.

В ресторане появились двое крупных мужчин в кожаных куртках нараспашку. Они проследовали к икорному бару и присели за стойку. Затем вошёл Алексей Олегович Стрельников, в чёрной дублёнке и шапке. Он был богатырского телосложения: два метра ростом, широк в плечах, лицо заросло щетиной. Его бешеный взгляд упал на Никиту Панченко.

Он взглянул на него, точно бык на красный плащ на испанской корриде.

– Прошу минуточку внимания! – театрально произнёс Алексей. И тут же зааплодировал.

Люди отвлеклись и взглянули на него.

Он продолжил, ткнув пальцем в адвоката:

– Вот эта гнида по уголовным делам испортила мне жизнь!

Никита вскочил со стула.

– Прекрати меня оскорблять! – крикнул он.

– Пять дней назад Игорь Иванович Мартынов, сын высокопоставленного чиновника нашего города, сбил на своём внедорожнике мою дочь, Светлану Стрельникову, – заявил Алексей.

– Я выполнял свою работу, и не нужно здесь устраивать концерт, – попросил Никита, подойдя к нему.

– Нет, я скажу, – продолжил тот. – Мартынова Игоря защищал адвокат Панченко. Не знаю, сколько ему отвалили денег, но в итоге Мартынов Игорь не виновен, а моя дочь Светлана лежит в клинике в коме с черепно-мозговой травмой.

– Успокойся, я делал свою работу, – огрызнулся Никита, одёрнув его за плечо.

– Убери от меня свои грязные коррумпированные руки! – оттолкнув его, взвизгнул Алексей.

Затем он вздохнул и продолжил на истерической ноте:

– Раз процесс, два процесс – завтра новый «Мерседес»?

Ты погряз в коррупции! Тебе не отмыться. Неужели ты не чувствуешь коррумпированную гнилую вонь, когда просыпаешься каждое утро и тратишь грязные откатные деньги? Ты прогнил до глубины души, гнилая душонка. Даже здесь и сейчас меня блевать тянет от этого гнилого, невыносимого, коррумпированного запаха! Как ты не можешь понять: в могиле нет карманов для откатных денег!

После этого Алексей зашёлся слюной, брызжа ею в разные стороны, как бульдог после долгой прогулки. К нему подошли двое охранников в чёрных рубашках и бронежилетах, оба крепкого телосложения. Они схватили его под мышки.

– Я попрошу вас покинуть это заведение, – произнёс первый охранник.

– Если будете упрямиться, мы применим силу, – добавил второй.

– Уберите от меня свои руки, я сам покину ресторан, – заявил Алексей.

Затем он вышел из ресторана, остановился, достал из кармана пачку «Мальборо» и закурил. В его голове не укладывалась сложившаяся ситуация, хотелось рвать и метать, чтобы восстановить справедливость. Но на сегодняшний день многое решают деньги, и с этим ничего не поделать. Алексей размышлял, жадно затягиваясь и выпуская дым изо рта. А как же дочурка? Может, поехать к ней? Она ещё в коме… Он прослезился. Затем докурил сигарету и закурил новую. Что делать? Как быть? Может, позвонить жене и сказать,

что можно продать дачу и перевести девочку в израильскую больницу? Может, там что-то прояснится и она придёт в себя. Хотя он сразу откинул эту мысль: его корёжило оттого, что дочь в коме, убийца на свободе, а адвокат флиртует с очередной дамой. Он закурил ещё одну сигарету и позвонил жене.

– Да, дорогой? – услышал он заплаканный голос.

– Ты в больнице?

– Да, сижу около палаты.

– Скажи дочери, что я её люблю и что всё это только ради неё. – Он сделал паузу и прослезился, затем взял себя в руки и добавил: – Возможно, я её больше никогда не увижу.

– Стой! – закричала она. – Что ты собираешься делать?

В трубке повисла пауза. Он ещё раз затянулся, выкинул окурок в стоящую рядом урну.

– Восстанавливать справедливость!

Алексей повесил трубку и выкинул телефон в урну. Затем из-за пазухи достал крупнокалиберный револьвер Colt Anaconda серебристого цвета и зашёл в ресторан. Он мгновенно поднял длинное дуло, направил на одного из охранников и резко нажал на изогнутый спусковой крючок. Раздался громкий выстрел, разрушивший тихую атмосферу ресторана. Пуля продырявила затылок охранника, кусок затылочной кости с кровью отлетел и упал на глянцевый, как зеркало, пол. Охранник с простреленным черепом упал на колени, его затрясло, точно заражённого из фильма ужасов про

зомби-апокалипсис, после чего тело рухнуло на пол, образовав огромную лужу крови.

– Что творит этот псих? – возмутился второй охранник.

Он потянулся за пистолетом, который висел на его брюках в чёрной потёртой кобуре. Все услышали выстрелы и бросились врассыпную, паника сопровождалась возгласами и криками. Но второй охранник успел только расстегнуть кобуру, как Алексей перевёл на него дуло и выстрелил. Пуля угодила прямо в лоб, мужчина упал на пол. Затем Алексей перевёл пистолет на Марию и выстрелил ей в спину два раза. Две пули пробили её насквозь, она упала на деревянный стол, мгновенно покрывшийся кровью.

Никита испуганно выскочил из-за стола и в спешке побежал к бару.

– Вызовите полицию, он собирается всех убить! – закричал он.

Испуганный светловолосый юноша в строгой рабочей форме выпучил глаза и смотрел на Никиту, словно его парализовало.

– Я к тебе обращаюсь, вызови полицию! – крикнул Никита, возвращая его в реальность.

– Да, сейчас, – выдавил юноша, схватив трясущимися руками телефон и тыкая в сенсорный экран.

Алексей двигался в сторону бара с вытянутой рукой, в которой держал револьвер. Никита помчался вдоль стены в сторону туалета. Он тяжело дышал, на лбу скопился пот,

сердце отбивало барабанную дробь.

– От меня не спрячешься, – послышался сзади грубый голос Алексея.

Никита открыл дверь туалета и пробежал по кафельному полу к пластиковому окну. Справа – три деревянных кабинки, слева – три писсуара, туалет освещала огромная лампа под потолком. Что делать? Что мне делать? Он сейчас меня убьёт? Эти мысли завертелись в его голове. Он начал дышать полной грудью, как бегун после длинной дистанции, глаза расширились и напоминали огромные монеты. Затем он трясущейся рукой открыл настежь пластиковое окно. В этот момент дверь в туалет открыл Алексей и, направив пистолет, выстрелил. Пуля, просвистев, угодила в стекло, прострелив его насквозь. Осколки посыпались на пол и разлетелись во все стороны.

– Твою мать! – выругался Никита, прикрыв уши ладонями.

От громкого звука в ухе засвистело, как от пожарной сирены. Он повернулся и взглянул на Алексея. Тот стоял и держал его на мушке, сверля своим суровым взглядом. Когда свист начал утихать, Никита убрал руки от ушей.

– Стой, не убивай меня, давай договоримся, – испуганным голосом произнёс он.

Лицо его стало таким беззащитным, даже выступили слёзы – прямо мальчик, который вот-вот получит ремня от отца за то, что набедокурил. Страх акульими зубами вцепился в

горло и сдавил.

– Вот, значит, как ты заскулил. Не о чем мне с тобой договариваться, – настаивал на своём Алексей.

– Тебе нужны деньги? – выпалил Никита, вытирая тыльной стороной ладони слёзы с глаз. – Я дам тебе денег, у меня их море.

Он продолжал глубоко дышать, в висках начались колющие боли, словно кто-то невидимый орудовал там острым предметом.

– Не нужны мне твои грязные деньги! – закричал Алексей. – Засунь их туда, куда никогда не будет светить солнце.

Бусины горячего пота скопились на лбу Никиты и начали каплями стекать на щёки.

– У меня есть дорогие тачки, частные дома, могу подарить, и мы забудем об этом инциденте, – сквозь слёзы предложил он.

Его речь была неразборчива, он почти глотал слова. Боль в голове усилилась, и он схватился ладонями за виски.

– Мне ничего от тебя не надо, ты понял меня? Коррумпированный ублюдок! – Алексей снова сорвался на эмоциональный крик.

Затем он направил дуло вниз и выстрелил. Пуля продырявила коленную чашечку, осколки кости упали на пол, брызнула кровь в разные стороны.

– А-ай! Мать твою за ногу! – закричал Никита, упав на колени, а потом на живот. – Моя нога!

Боль была адской. Сжав ладонями раздробленное колено, он продолжал тяжело дышать, широко открыв рот. Его мочевой пузырь не выдержал, и он описался.

– Ты больной, у тебя бардак в голове, – процедил сквозь зубы Никита.

Алексей подошёл и смотрел, как он мучается от невыносимой боли, точно попавший в капкан зверь.

– Да нет, я тут самый здравомыслящий человек, который восстанавливает справедливость, – заявил Стрельников.

Затем он направил пистолет на лицо Никиты и начал нажимать на спусковой крючок. Прозвучало три выстрела. Ошмётки черепа и серого вещества разлетелись по полу, брызги крови испачкали стрелка. Вместо лица у Никиты образовалось кровавое месиво. Алексей бросил револьвер на пол, и внутрь вбежали полицейские.

Глава 2

Чёрный Audi A5 ехал по заасфальтированной дороге, дворники едва справлялись с вьюгой, сметая снег с лобового стекла. За рулём сидел молодой парень – тридцатилетний Роман Андреевич Федорищев. Его худощавую крепкую фигуру облегал спортивный костюм, на ногах – кроссовки фирмы Lacoste, на левой руке – золотые часы с браслетом. Он смотрел в лобовое стекло. На соседнем сиденье сидел огромный мужчина с пивным животом и двойным подбородком, в чёрных джинсах и коричневой дублёнке нараспашку поверх толстовки – Семён Сергеевич Голиков. На днях ему исполнилось тридцать пять, но из-за небритого подбородка с заросшими чёрными бакенбардами он выглядел на все пятьдесят. В руках он держал телефон, нервно водя пальцами по экрану.

На заднем сиденье развалился худой, как сушёная мумия, будто из концлагеря, черноволосый двадцатипятилетний парень с короткой стрижкой, чем-то напоминавшей горшок, в круглых очках в стальной оправе, в чёрных брюках, поверх клетчатой шерстяной рубахи на нём была лёгкая осенняя куртка цвета кофе с молоком. Данила Сергеевич Терентьев хоть с виду и напоминал серую ботаническую мышь, но именно он первым разрезал могильную тишину в салоне, заглушив своим голосом какого-то рэп-исполнителя в дина-

миках.

– Ну что, пацаны, может, в баньку да по ночным бабочкам? А то что-то скучно.

Роман убавил громкость на приборной панели, которая покрылась слоем пыли.

– Да что-то не хочется. Опять грандиозная пьянка, а потом начнём чудить, – ответил он, схватив с приборной панели пачку «Парламента», вставил сигарету в рот, щёлкнул зажигалкой и прикурил.

– Я бы вообще рванул куда-нибудь, ну, скажем, в Сочи, – вмешался в разговор Семён.

Автомобиль свернул на автостоянку около огромного торгового центра. Роман заглушил двигатель.

– Нет, Сочи – это не то пальто, – заявил он, затянувшись и выпуская дым в открытое окно.

Он снова затянулся и продолжил:

– А что, если какую-нибудь девочку завербовать и поразвлечься у меня на даче?

– В смысле «завербовать»? – удивился Данил. – Ты хочешь похитить ребёнка и изнасиловать?

– Ну это вилы, нас закроют, – возмутился Семён.

– Да что вы как дети малые, – рассердился Роман, щелчком отправив недокуренную сигарету в снег. – Вы знаете Андрея Федорищева? Городской прокурор – мой папа. Отмажет, даже к бабушке ходить не надо.

– Ну это ты так базаришь, а мы можем присесть на якорь.

Да и вообще, херовая это затея.

– Базарят бабки на базаре. Я тебе растолковываю, как оно есть: всё будет чётко и ровно, – грубо ответил Роман.

– Да ладно тебе. Мы Романа не первый год знаем. Помнишь, тачки угоняли – его отец отмазал, всё путём. Лет пять назад я человека сшиб – его отец отмазал. И сейчас будет всё пучком, его папа шишка, – заявил Семён, достав из кармана пачку «Мальборо» и закурив.

На стоянке в шахматном порядке стояло около дюжины автомобилей разных марок. Роман закрыл окно, потому что морозный ветер начал залетать в салон и от него по телу побежали мурашки. Он перевёл взгляд на лобовое стекло и смотрел, как нескончаемый, как в московском метрополитене, поток людей выходит и заходит в магазин. И вдруг среди толпы он увидел в синем пуховичке черноволосую молодую барышню, на голове у неё была вязаная чёрная шапка, куртка была не застёгнута. Она несла в руке пакет с продуктами.

– Вот она, родная. Ты глянь, – заявил Роман.

– Подъезжай, я всё сделаю красиво, – выдавил Данил сквозь гнусную улыбку и продемонстрировал свой прокуренный жёлтый оскал.

Роман вдавил педаль газа в пол. Автомобиль рванул с места, затем резко, со свистом, развернулся, оставив след на проезжей части, засыпанной сугробами. Данил вышел из автомобиля и подошёл к девушке.

– Барышня, не подскажете, который час? – спросил он.

– Что? – Она развернулась, не поняв, к кому он обращается.

Затем всё произошло как в художественном фильме: он схватил её за волосы и виском ударил о заднюю дверцу автомобиля. У неё потемнело в глазах, ноги в коленях подкосились, она начала падать. Данил её подхватил. В этот момент багажник уже был открыт. Он положил девушку внутрь, нажал на кнопку закрывания, сел на заднее сиденье. Машина выехала со стоянки и поехала по главной дороге. Семён прибавил звук, и в салоне зазвучал рэп. Роман вдавил педаль газа и начал обгонять автомобили. На приборной панели замигала лампочка, предупреждающая о необходимости заправиться.

– Нужно на заправку, – убавив громкость, сказал Роман.

– Да, есть через пять километров, – сообщил Семён, найдя заправку в телефоне.

– Давай туда. Там можно купить что-нибудь попить и перекусить.

Похищенная Виктория Державина, вытягивая руку вперёд и едва открывая глаза, начала приходить в себя в багажнике. Перед её глазами плыла картинка. Боль в правом виске колола, точно раскалённой спицей. Девушка моргнула несколько раз, чтобы глаза привыкли к темноте, и её мозг начал понимать, что она находится в багажнике какой-то машины и что автомобиль куда-то едет. Как раньше учила её мать: не нужно поддаваться эмоциям, стучать, колотить,

кричать и звать на помощь. Потому что ты себя выдашь, а ты не знаешь, что у похитителя в голове: либо он начнёт тебя бить, либо закроет рот клейкой лентой, свяжет, либо вообще убьёт. Мать учила, что нужно позвать на помощь так, чтобы похитители ни о чём не догадались. Вика это усвоила. Достав телефон, она выключила звук и написала матери: «Привет, мама. Меня похитили какие-то неизвестные. Не звони мне, я скину тебе геолокацию».

Нажала «Отправить». Ответа не последовало. Тогда она отправила голосовое сообщение: «Мама, я не знаю, сколько я была без сознания. Только сейчас очнулась в каком-то багажнике. Мне страшно, пожалуйста, спаси меня или обратись в полицию».

Через пять минут пришёл ответ: «Дочь, я выехала за тобой. Только не отключай телефон».

Она прочла сообщение и убрала телефон в задний карман джинсов. И вдруг автомобиль остановился. Роман вышел из салона, вставил пистолет в бензобак и ушёл платить. Сзади подъехала серая «Нива». За рулём сидел мужчина далеко за шестьдесят: лысый, в белом свитере и чёрных брюках.

– Пойдёшь в магазин? – обратился Семён к Даниле.

– Нет, останусь в машине.

Семён покинул автомобиль, и в этот момент в багажнике подняла руку Вика. Мужчина из «Нивы» увидел и начал открывать свою дверь, выходя из салона.

– Помогите! Спасите! – кричала Вика, стуча ладонями по

стеклу.

– Что тут происходит? – сиплым голосом произнёс мужчина.

Из салона вышел Данил.

– Не твоего ума дело. Иди к чёрту, старый хрыч, – огрызнулся он.

– Послушай, невоспитанная шпана, – возмутился водитель «Нивы», – сейчас я вызову полицию, и они тебя к чёрту загребут!

Он открыл водительскую дверь и взял мобильник с приборной панели. В этот момент из магазина на заправке вышли Роман и Семён. Толстяк нёс пакет с энергетиками и несколькими гамбургерами. Роман подбежал, вытащил пистолет из бензобака и начал обливать бензином мужчину и его автомобиль. Затем бросил пистолет на капот «Нивы».

– Твою мать, что ты творишь, отморозок? – возмущённо произнёс мужчина.

– Папаша, тебе нужно остыть, а то ты закипел, – заявил Роман.

Достав из кармана зажигалку, он чиркнул – появилась золотистая искра, а затем разгорелся жёлто-голубой язычок пламени, и он швырнул зажигалку на капот.

Огонь мгновенно вспыхнул, языки оранжевого цвета охватили капот, колёса и водителя с ног до головы. Горящий мужчина что-то кричал и начал бегать около колонки. Затем согнулся и упал на живот. Роман мгновенно сел за руль и,

резко тронувшись, помчался. На автозаправочной станции яркое жёлто-оранжевое пламя объяло одну колонку, затем вторую. Прогремел взрыв. Факельный фонтан полностью пожираемой огнём колонки взлетел в воздух, затем она с оглушительным грохотом упала прямо на асфальтовую подъездную дорогу к заправке. Вторую колонку мгновенно разорвало, и образовался огненный ослепительный смерч, который влетел в магазин, сметая всё на своём пути. Стёкла мгновенно разлетелись вдребезги. Языки пламени лизали пол, стены, холодильники, а также деревянные столы и стулья. Audi мчался по дороге, и всё это было видно Роману в зеркало заднего вида.

– Ну как вам шоу? – закурив и улыбнувшись, восторженно произнёс он.

– Какое, к чёрту, шоу? Ты сумасшедший псих, – возмутился Семён.

– Я и не говорил, что я нормальный, – снова улыбнулся Роман.

– Клёво повеселились: похитили девку, взорвали заправку, – вмешался в разговор Данил.

– Забей на заправку. Ты мне лучше скажи, как девка подала сигнал или что произошло? – спросил Роман.

– Да она очнулась и начала кричать, стучать сзади в стекло, – ответил Данил.

Роман резко свернул на обочину и ударил по тормозам. Автомобиль потерял скорость и остановился. Парень выско-

чил из-за руля и подошёл к багажнику. Тяжело дышал, пока открывалась задняя дверца. И вот наконец она поднялась.

Он схватил Вику за волосы, прижал к своему плечу и начал говорить прямо в ухо:

– Послушай меня. Если ещё раз ты позовёшь на помощь или убежишь, я достану пистолет и прострелю твою башку.

Слёзы потекли по её лицу, глаза расширились, сердце стучало, как колёса бегущего на максимальной скорости экспресса. Она была словно парализована: страх взял верх над её разумом и начал её контролировать.

– Ты меня поняла? Дважды повторять не буду, – тяжело вздохнув, грубо произнёс Роман повышенным голосом.

Девушка не смогла ничего ответить и заплакала. Он сильнее сжал её волосы и сверлил своими звериными глазами цвета замутнённого льда.

– Да, поняла, – наконец промямлила Вика.

Он отпустил её, нажал на кнопку, чтобы закрыть багажник. Мимо по дороге проезжал полицейский УАЗ «Патриот». Худощавый водитель, увидев, как какой-то псих держит за волосы девушку, а чуть позже закрывает багажник, сразу же остановился посреди дороги, резкий рёв тормозов разорвал тишину вокруг. Тем временем Роман сел за руль, запустил двигатель, резко тронулся и помчался по дороге дальше.

– Ты глянь, что творит этот сумасшедший! – включив полицейскую сирену, изумился водитель «Патриота».

Роман вдавил педаль газа в пол, и автомобиль начал ускоряться. Полицейский уазик мгновенно тронулся с места и начал преследовать чёрный Audi.

– Немедленно остановитесь! – схватив рупор и выставив его из бокового окна, произнёс второй полицейский, сидящий на пассажирском месте. – Я приказываю вам остановиться! Или мы вынуждены будем задействовать огнестрельное оружие!

Роман проигнорировал угрозу, вдавливая педаль акселератора в пол. Audi устремился вперёд и летел на бешеной скорости. Стрелка спидометра приближалась к двумстам километрам в час.

– Ну вот, вляпались в жир ногами, теперь не отстанут, – процедил Данил сквозь прокуренные чёрно-жёлтые зубы.

– Не парься, уйдём, – бросил в ответ Роман.

Затем он закурил и добавил:

– Достань обрез, он сзади, в кармашке сиденья.

– Что ты собрался делать? – удивился Семён.

– Скину их с хвоста, – ответил Роман.

Данил передал ему заряженный короткий обрез.

В рупор снова заговорил пассажир из салона «Патриота»:

– Повторяю, я приказываю вам немедленно остановиться! В противном случае мы примем более жёсткие меры!

Полицейский «Патриот» поравнялся с Audi и ехал рядом. Роман вытащил из окна правую руку и показал средний палец.

– Пошёл к чёрту! – огрызнулся он.

Вдали на дороге появился тягач Volvo с горизонтальным куполообразным резервуаром тёмно-оранжевого цвета с надписью: «Огнеопасно».

Колёса цистерны пошли юзом по дороге, их повело вправо, прицеп перегородил всю дорогу, в то время как водитель Volvo продолжал ехать вперёд на скорости. Стальной корпус резервуара при ударе лопнул и разгерметизировался, как консервная банка. Под давлением хлынул бензин, воздух наполнился парами огнеопасной жидкости. Затем прицеп оторвался, подлетел в воздух и с резким грохотом – как стальные колёса поезда стучат по рельсам – рухнул на асфальт.

Ярко-красные языки пламени побежали по дороге. Резервуар разорвало, и огненная волна поднялась в воздух, полностью окутывая встречный автокран КамАЗ и саму автоцистерну. Затем огненный шквал поднял два грузовых автомобиля в воздух и уронил их на трассу горящими, плавящимися осколками. Роман давил педаль газа в пол и наблюдал в зеркало заднего вида за этим огненным апокалипсисом. Он мчался с бешеной скоростью и сбавил её лишь спустя час.

Проехав ещё несколько километров, автомобиль свернул в коттеджный посёлок. Уже снизив скорость, Роман высматривал в лобовое стекло, как лучше проехать, потому что метель не прекращалась. Слева был огромный лес, усыпанный снегом, справа тянулись коттеджи. Не прошло и десяти минут, как он остановился и припарковал автомобиль.

– Сеня, наруби дров. Колун во дворе, а мы с Даней отнесём девку в подвал.

– Не вопрос, – отозвался Семён.

Он вышел из машины и зашёл на небольшой земельный участок, весь занесённый снегом. Рома открыл багажник. Вика смотрела на них испуганными глазами.

– Помнишь, о чём я тебе говорил? – спросил Рома.

– Да.

– Пойдём, – добавил Даня.

Она вылезла из багажника, и они повели её в дом. Внутри всё было обито деревом: дубовый пол, сосновые, покрытые лаком стены. Лестница в правом углу вела вниз, в подвальное помещение. Они спустились туда. Внутри оказалась автомастерская: на стенах висели гаечные ключи, рядом на полках лежал электроинструмент. Справа находился автоподъёмник, на потолке – несколько огромных ламп с пыльными плафонами, а чуть ниже потолка – электрический тельфер, от которого тянулся провод с пультом управления.

Роман взял пульт и нажал на кнопку. Тельфер по стальным швеллерам при помощи роликов начал двигаться вперёд. Затем он нажал другую кнопку – и тельфер начал подъезжать к ним. Данил схватил на столе верёвку, связал Вике руки, после чего подцепил крюк от тельфера и начал поднимать девушку вверх. Она с завязанными руками оторвалась от бетонного сырого пола и повисла в воздухе.

Чёрная Toyota RAV4 мчалась по дороге с огромной скоро-

стью. Стрелка спидометра дёргалась около отметки сто пятьдесят километров в час. За рулём сидела сорокачетырёхлетняя женщина с короткими рыжими волосами, в синих джинсах и чёрной куртке, с великолепной стройной фигурой. Надежда Васильевна Державина – мать похищенной девушки. Она сжимала руль и готова была свернуть его в бараний рог. Гнев кипел в её голове, сердце стучало, ударяясь о рёбра, – так стучал бы клюв ворона, пожирающего добычу.

«Кто мог похитить моё единственное дитя? Да я его распотрошу, как курицу. Моё единственное сокровище, почему именно моя дочь?» – эти мысли, как стая птиц, крутились в её мозгу, не давая покоя.

Надежда работала в морге судмедэкспертом около десяти лет, а после начала писать детективные романы, которые пользовались довольно широкой популярностью. Но до всего этого один переломный момент случился в её жизни. После смерти отца – ей было всего пять лет – она не хотела идти на похороны и плакала. Взглянув на тарелку, она сдвинула её с места, и та упала и разбилась. Так она открыла в себе дар телекинеза. От него были и побочные эффекты: когда она сильно перенапрягалась, давая мысленно команду импульсным нейронам своего мозга, что хочет, например, передвинуть утюг или чтобы стакан с чаем подвинулся по столу, давление не заставляло себя ждать – и мгновенно кровь струёй вылетала из носа.

И вот сейчас она смотрела на дорогу, потом перевела

взгляд на зажигалку, лежащую на панели. Та мгновенно поднялась в воздух, отлетела, ударилась о лобовое стекло и упала на коврик под ногами переднего пассажирского сиденья.

– Твою мать, – выругалась женщина.

Она протянула руку к бардачку, достала влажные салфетки, почувствовав, как из правой ноздри начинает течь кровь. Свернув салфетку в трубочку, она воткнула её в ноздрю и отбросила упаковку на пассажирское сиденье. На мгновение отвлеклась от дороги, и лишь гудок грузовика заставил её снова сосредоточиться. Он просигналил сзади и моргнул фарами: уступи дорогу. Она ушла на правую полосу, и огромный грузовик промчался мимо, скрывшись в заснеженной мгле впереди.

Она думала только о своём ангелочке. Её словно парализовал страх, из-за которого хотелось рвать на себе кожу, чтобы он перестал дьявольским огнём жечь изнутри. Больше страха терзало неведение: где её дочь и жива ли она. Надежда то и дело посматривала на навигатор и вот наконец сбавила скорость, подъезжая к коттеджному посёлку. Ехала очень медленно и остановилась около нужного дома, руководствуясь координатами из сообщения дочери. Заглушила двигатель, вышла из машины и зашла внутрь – дверь была просто прикрыта.

– Где моя дочь?! – выкрикнула она.

Увидевший её Семён размахнулся, как профессиональный дровосек, и воткнул колун в пенёк для рубки дров.

– Какая, к чёрту, дочь? Пошла вон отсюда! – заорал он, подойдя и отвесив ей правой рукой пощёчину.

Левая нога подогнулась, и Надежда присела на одно колено. Затем подняла посуровевшие глаза на колун и начала давать команды мозгу. Взгляд её был как у разъярённого медведя, несущегося за добычей. Вдруг колун оторвался от пенька и на какую-то секунду замер в воздухе, как зависает вертолёт.

– Что это за фигня? – удивился толстяк.

Но это было последнее, что он сказал в своей жизни. Колун мгновенно начал крутиться в воздухе, как вертолётная лопасть, и его остриё врезалось прямо в лоб Семёна. Удар был настолько сильным, что пробил череп и, подняв мужчину в воздух, отбросил его к забору.

В голове у Надежды застучало, и мгновенно кровь выстрелила из ноздрей, окрасив белый снег. Она бросилась к машине, открыла её, взяла влажные салфетки, приложила к носу и начала равномерно дышать, чтобы стабилизировать давление. Не прошло и двух минут, как она отбросила окровавленные салфетки в сторону, убрала упаковку в карман, снова зашла на участок, побежала к дому и вошла внутрь.

– Вика, солнышко, ты где?! – кричала она.

Из подвала выбежал Данил и с размаха полоснул ножом по её щеке. Она могла поклясться, что слышала, как нож просвистел рядом, распоров тёплый воздух помещения, зазвенел в ушах. Она схватилась за щёку и сделала шаг назад.

– Сейчас я убью тебя, – процедил он сквозь сжатые зубы.

Она оглядела огромную кухню: газовая плита, холодильник, кухонный гарнитур, стол и четыре стула. На столе её внимание привлёк деревянный футляр, в который были воткнуты ножи. Она мгновенно перевела взгляд на это холодное оружие, сосредоточенно смотрела на них. Но ничего не происходило. Парень снова замахнулся ножом, она успела среагировать и увернуться. Нож распорол свежий кухонный воздух – через открытую форточку за её спиной в помещение попадало немного прохлады.

Она снова настроилась и взглянула на футляр с ножами. Данил приготовился к замаху в очередной раз, но вдруг случилось невероятное: нож выскочил из футляра и, пролетев по кухне, воткнулся в его живот. Он выронил свой нож, и тот упал на пол.

– Твою мать, какая боль! – схватился отморозок за рукоять воткнутого в него ножа, потянув на себя.

Надежда продолжила. Взглянув на подставку для ножей, она отправила второй нож – тот впился в левую ладонь Данила, пронзив её насквозь по самую дубовую рукоять. Его кисть, которой он хотел вытащить нож из живота, обмякла и превратилась в плеть. Женщина дала команду мозгу – очередной нож полетел в противника, пробив вторую кисть.

– А-ай! – завизжал он от боли.

Он стоял перед ней точно распятый: руки в стороны, ноги вместе. Она снова дала команду и запустила в него ещё два

ножа. Один вошёл в грудь наполовину, а последний прошёл насквозь через горло и пригвоздил его к дверному косяку.

Кровь хлынула из его сонной артерии, словно кто-то открыл кран с водой под высоким давлением. Данил издал предсмертный хрип и опустил голову. С кистей рук и из живота кровь ручейком стекала на пол, образуя лужу.

Надежда совсем забыла про кровоточащую рану на лице и про давление, из-за которого в очередной раз кровь пошла из носа. Достав влажные салфетки, она начала ими орудовать, как профессиональная медсестра, делающая перевязку пациенту. Все её мысли были о дочери.

Но вдруг раздался выстрел из подвала.

Она отбросила салфетки и помчалась вниз. Оступилась, чуть не упала.

– Нет! Нет! – закричала она, увидев, как какая-то гнида прострелила голову её дочери.

Слёзы брызнули из её глаз. Она упала на колени. В её голове не укладывалась эта картина.

– Ну что, дочку потеряла? Сейчас и ты умрёшь, – натянув улыбку демона, оскалился Роман.

Надя начала бегать глазами по подвальному помещению, переоборудованному под автомастерскую. В её голове созрел гениальный план – лишь бы не подвёл дар. Она взглянула на лампу, дала указание мозгу. Лампа мгновенно раскачалась, проводка под потолком затрещала и оторвалась. Лампочка ударила Романа в лоб, раскололась и погасла. Осколки попа-

ли ему в глаза. В помещении стало тускло: подвал освещали две оставшиеся лампочки.

– Мои глаза! – закричал он, уронив пистолет на пол и растирая глаза фалангами пальцев.

Густая кровь стекала по его скулам и щекам.

«Ну вот и хорошо, теперь он как слепой щенок», – промелькнула мысль в её голове.

– Я ничего не вижу! Что ты сделала?! – кричал он.

Из его рта начали вылетать слюни, как у запыхавшегося после пробежки пса.

– Да ты знаешь, кто мой отец? Он прокурор! Он сожрёт тебя с потрохами! – надрывая голосовые связки, кричал Роман.

Она перевела взгляд на тельфер и снова воспользовалась даром. Спустила крюк на пол и обмотала ноги убийцы цепью – так змея-анаконда обвивает жертву перед тем, как задушить. Взглядом защёлкнула крюк на цепи и начала поднимать.

Тело мужчины мгновенно поднялось вверх, и теперь он висел перед ней вверх тормашками, не переставая тереть глаза.

– Что тут происходит?! – кричал он.

Затем он опустил руки вниз, слегка приоткрыл глаза и сквозь пелену увидел женщину.

– Я сообщу отцу, и тебя посадят к таким отмороженным, что ты будешь молить, чтобы тебя убили, – растянув крова-

вую улыбку, пригрозил он.

– За что ты убил мою дочь? – подойдя к нему, спросила Надежда.

Он висел лицом к ней, стоящей в полный рост. Они смотрели друг на друга.

– А, эта маленькая шлюшка – твоя дочурка? – засмеялся он.

Плюнул ей в лицо и снова засмеялся. Окровавленный сгусток слюней попал ей прямо в нос.

Она снова перевела взгляд вправо и увидела там таль, валяющуюся на полу. Взглядом зацепила один крючок тали за батарею, а второй – за запястье Романа. Затем протащила другую таль и зацепила слева: один крючок за дужку подъёмника, другой – за его второе запястье. И начала смотреть то на один механизм тали, натягивая его, то на другой. Его руки начали напрягаться и разошлись в стороны. Он был распят, но висел вверх ногами. Тали были натянуты до предела. Цепи натянулись, как гитарные струны.

– Спрошу ещё раз: за что ты убил мою дочь?

– Пошла к дьяволу, ведьма! – сквозь невыносимую боль процедил он, сплёвывая на пол слюну с примесью крови.

Она продолжала смотреть на тали, натягивая их ещё сильнее. Они уже были натянуты как якорные цепи.

– Что ты творишь? Мне больно! Ты оторвёшь мне руки, мать твою! – кашляя, заорал он.

Вдруг у неё опять из носа брызнуло, уже гейзером. Она

присела на корточки и начала влажными салфетками вытирать нос. Затем кинула салфетки на пол и снова начала натягивать таль справа и слева.

– А-ай! Мои руки! Они сейчас оторвутся! Мне больно! Отпусти, мне больно! – кричал распятый.

Он снова сплюнул сгусток крови на пол. Его сердце колотилось, острые головные боли накатывали волнами от затылка и впивались в виски. Ноги дрожали, точно в лихорадочном припадке, а кисти рук тряслись, как от похмельного тремора.

– Хотя, ты знаешь, мне нравилось насиловать твою дочь! – издал он предсмертный крик. – Думаю, она сейчас мучается на том свете!

Женщина упала на колени, глядя то на одну таль, то на другую. Механизмы на талях работали как трещотки. И тут неожиданно цепи сорвались, и обе руки Романа по самые плечи оторвались и отлетели в стороны. С его предплечий мгновенно полил кровавый водопад.

Она не стала смотреть на эти ужасы. Просто развернулась, поднялась наверх, села в машину и вызвала полицию.

Глава 3

Спортивный зал был настолько большим, что напоминал футбольный стадион. Несколько мужчин качали гантелями бицепсы, другие лёжа поднимали штангу, а справа несколько женщин занимались на беговых дорожках. Атмосферный зал с тренажёрами был обит деревом, на полу лежал тёмный линолеум, на стенах висели огромные, в полный рост, зеркала.

На одной из дорожек бежала женщина в синих спортивных штанах и серой майке – с подтянутой стройной фигурой, короткостриженными каштановыми волосами. Это была сорокачетырёхлетняя Ольга Николаевна Надеждина. Пот выступал на её груди второго размера, на лбу скопились горячие капли, под мышками образовались мокрые пятна. После пробежки она села на велотренажёр. Дыша всей грудью, взглянула на запястье левой руки. Время было два часа дня.

Наконец Ольга закончила упражнения и отправилась в раздевалку. Зашла внутрь, сняла всю одежду и пошла в душ. Смыв с себя пот, она подошла к рядам шкафчиков, открыла свой. Надела чёрные джинсы, майку, вишнёвый свитер, накинула белый пуховик, взяла чёрную сумку из крокодиловой кожи и покинула раздевалку. Пересекла холл по мраморному глянцевому полу и вышла на улицу.

Ветер мгновенно начал трепать её волосы, сыпал снег.

Женщина поёжилась. Морозный холод проникал внутрь, стало зябко. Она открыла дверцу своей Toyota Camry цвета спелой черешни, села за руль, запустила двигатель и включила печку.

«Суровая зима в этом году, – начала она размышлять. – Сегодня нужно встретиться ещё с двумя клиентами и показать им пару квартир. Хотя можно и с одним встретиться. Максим постоянно снимает на две недели коттедж рядом с Лосиным Островом». Она размышляла об этом постоянном клиенте, который родился с серебряной ложкой в заднице – капризный ребёнок. Подумала было позвонить ему, но в желудке заурчало, и она решила заехать домой пообедать, а клиентам позвонить позже.

«Подождут. Коттеджи никуда не денутся, а клиенты всегда у меня на крючке». Она выехала с паркинга и влилась в поток автомобилей. Завибрировал сотовый.

– Да, – включила она громкую связь.

– Оленька, солнышко моё, возьми ещё пару клиентов. Одному нужна квартира на длительный срок, а второму – посуточно на пару дней, – послышался в трубке голос Анны с работы.

– Послушай, Ань, – вспылила Ольга, – я вам что, ломовая лошадь? Всех собак на меня вешаешь. Лена опять в декрете? Или голова у неё болит?

– Больше некому взять. Лена на больничном, – сообщила Аня.

– А после больничного с перегаром на работу? Пьёт как лошадь, не хочет работать.

– Ну давай на завтра, – попросила Аня. – У Яны вся неделя забита на вахту: две бригады приехали, вот расселяет их.

– Давай на завтра, после обеда, – отчеканила Ольга.

Потом она задумалась, вставила в рот тонкую, похожую на зубочистку сигарету, приоткрыла форточку, щёлкнула зажигалкой и закурила.

– Михаил Борисович у себя? – поинтересовалась она.

– Нет, в Грецию горячие путёвки выбил и с семьёй свалил. Сказал, в конце месяца выйдет на работу, – заявила Аня.

– А мы как рабочие кони, колотим ему бабки, – докурив и затушив окурок в хрустальной пепельнице тёмного цвета в форме женской туфельки на шпильке, вскипела Ольга. – Нужно с ним посудачить, чтобы зарплату поднял.

– Ну, насчёт зарплаты – все вопросы к нему, – замялась Аня.

Ольга положила трубку. Она проехала пару кварталов, свернула влево, сбавила скорость и остановилась около своего двухэтажного коттеджа из красного кирпича. Заглушила двигатель, покинула автомобиль.

Зашла в дом, разулась и услышала, что на кухне работает телевизор.

«Кто может быть дома? Дима на работе, в командировке», – подумала она. Она смело прошла на кухню и увидела молодую особу в белой майке и синих джинсовых бриджах

– Юлию. Та открывала холодильник и доставала молоко.

– Ну привет, старушка, – налив стакан молока и с издёвкой выставляя напоказ свои брекеты, съязвила девушка.

– Слышь, я не поняла, ты кто? – возмутилась Ольга. – И что ты делаешь в моём доме?

– Ну, во-первых, этот дом не твой, а Димкин. А во-вторых, ты слишком постарела. Ему нужно молодое тело, – натянув улыбку циркового клоуна, выдала Юлия.

У Ольги в глазах потемнело. В голове не укладывалось, как он мог, живя с ней восемь лет, обманывать и крутить шашни с какой-то малолеткой. Ей захотелось выгнать нахалку и немедленно подать на развод с этим кобелём.

– Мы с Димой уже пять лет вместе, и он собирается с тобой разводиться, – убрав молоко и достав из холодильника бутылку красного полусладкого, заявила Юлия.

Взгляд Ольги закипел яростью: эта девка ещё и хамит и ведёт себя как хозяйка дома.

– Слышь ты, гламурная курица! – вспылила она. – Давай собирай манатки и дёргай отсюда, пока я твою гнусную рожу об кафель не размазала!

Юлия подошла к Ольге и влепила ей пощёчину.

– Ты кого гламурной курицей обозвала? Слышь, старая кошёлка, сама уматывай! – взвизгнула она.

Ольга, как профессиональный боксёр, прямым левым ударила её прямо в нос. Юля отшатнулась и, поскользнувшись на кафельном полу, приземлилась на пятую точку.

– Да я твоей физиономией пол отдраю так, что он будет блестеть, как промежность самой Девы Марии! – схватив её за волосы, выкрикнула Ольга.

– Убери свои грабли, мне больно! – заскулила Юлия.

Ольга приподняла её на ноги. Юлия схватила острый большой нож с тяжёлой дубовой рукоятью, замахнулась и полоснула. Нож мгновенно распорол тёплый кухонный воздух и полоснул Ольгу по левой руке. Та резко дёрнулась и взглянула на рану, из которой начала сочиться кровь.

– Я убью тебя! – исходя нервной слюной, огрызнулась Юлия.

Она побежала, размахивая ножом. Ольга уворачивалась, нож в правой руке Юлии лишь рассекал воздух. Затем Ольга поймала её кисть с ножом и, схватив второй рукой за подбородок, резко ударила затылком об холодильник. От удара из глаз девушки посыпались искры, на лбу выступили капли пота. Нож выпал из её руки и с грохотом упал на пол.

Юля протянула руку и начала сжимать Ольгину правую щёку, царапая своими наращёнными, покрытыми фиолетовым лаком ногтями. Ольга ослабила хватку, дотянулась до бутылки вина, взяла за горлышко, резко развернулась и обрушила её на голову Юлии. Бутылка разлетелась вдребезги, на пол пролилось липкое вино. Юлия упала на колени и схватилась обеими руками за голову.

– Голова… – сплёвывая слюну на пол, хрипела она.

Ольга присела на одно колено, схватила её за волосы и

начала бить затылком об пол.

– Я научу тебя уму-разуму, чёртова сучка! – срываясь на крик при каждом ударе, кричала разъярённая женщина.

Через несколько минут Юлия уже лежала с разбитым затылком в луже из вина. Наконец Ольга остановилась, подняла голову к потолку, и слёзы брызнули из её глаз.

Неожиданно дверь дома открылась, и она услышала шаги в сторону кухни.

– Я дома. Ты что-нибудь приготовила? – послышался голос Дмитрия.

Затем он зашёл на кухню и от увиденного выпучил глаза. Ольга схватила «розочку» – отбитое горлышко от бутылки – и, не сказав ни слова, подошла и вонзила ему в живот.

– Что ты делаешь? – выдохнул он в ужасе.

– Променял меня на эту соплячку! – выкрикнула она ему прямо в лицо.

Затем в неё словно вселился сам дьявол. Она начала наносить удар за ударом ему в шею. Брызги крови, точно шампанское из открытой бутылки, разлетались по полу, окрашивая стены. Дмитрий не сопротивлялся, ноги его подкосились, и он упал на спину.

Она села на него верхом и продолжила наносить удары в шею. Затем отбросила окровавленную бутылку в стену, та упала на пол и раскололась пополам. Ольга села на пол и заплакала.

Она услышала, что к её дому подъезжает полиция: сирена

раздирала барабанные перепонки.

«Наверное, соседи вызвали полицию», – подумала она.

Неожиданно двое в форме вбежали в дом, скрутили её руки за спиной и в полусогнутом состоянии вывели из дома.

Глава 4

Снег валил стеной. Ветер кружил белым пушистым вихрем, разметая хлопья. По заметённой трассе ехал огромный тёмно-зелёный ЗИЛ. Колёса вминали снежные сугробы в извилистую дорогу. Двигатель грузовика урчал, напоминая рёв разъярённого медведя. Справа виднелся густой хвойный лес. Деревья были укрыты снежными покрывалами, как на декорациях для театральной постановки. В левой стороне тянулась частично покрытая льдом река Шквал.

За рулём грузовика сидел двадцатипятилетний юноша в коричневой дублёнке. Серыми глазами он всматривался в лобовое стекло. Его белокурые, уложенные гелем назад волосы доставали до плеч. Андрей Иванович Куриленко крепко держал руль и вдавливал педаль газа в пол. Двигатель внутреннего сгорания издавал гул, похожий на рёв турбины пассажирского авиалайнера. Дворники едва справлялись со снежной стихией.

– Да не дави ты так на газ, – заявил его напарник, сидевший на соседнем сиденье. – Движок и так на ладан дышит.

Он был в чёрной телогрейке и шапке-ушанке. Ему было далеко за шестьдесят, но из-за морщинистого лица он выглядел на семьдесят с лишком. Качанов Дмитрий Петрович курил папиросу «Беломорканал» и периодически хрипел и кашлял.

– А как ещё здесь проехать? Ещё не хватало застрять в этой дыре, – резко ответил Андрей.

– Ты что, вчера сел за руль? – прохрипел Дмитрий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.